

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРОБЛЕМЫ ОДИНОЧЕСТВА

Значимой и ощутимой проблемой современности становится проблема одиночества. Это, по мнению многих современных исследователей, связано с трансформацией классических философских идей, с разочарованием человечества в попытках рационально объяснить мир, с разрушением традиционных базовых бытийных начал, вследствие чего у многих людей возникает ощущение полного одиночества и страх перед хаосом современного мира.

Анализ одиночества затрудняется тем, что оно не выражается материально, а представляет собой комплекс индивидуальных ощущений человека, связанных с переживанием его оторванности от сообщества людей, семьи, исторической реальности, природы. «Одиночество принадлежит к числу тех понятий, реальный смысл которых <...> отчетливо представляется даже обыденному сознанию, однако подобная ясность обманчива, ибо она скрывает сложное, противоречивое философское содержание, как бы ускользающее от рационального анализа», – пишет Н. Покровский [6, с. 8]. Одиночество – одна из сложных для современного человека проблем. Многие люди, внешне совершенно благополучные, реализовавшие себя в профессиональной деятельности, в своих социальных отношениях ощущают при этом себя одиночками и никому не нужными. Именно ощущают, потому что это чувство совершенно не обязательно отражает реальную ситуацию.

Считается, что проблема одиночества актуальна только для современного человека и одиночество не является существенной или необходимой составляющей человеческого сознания. В подтверждение сложившейся в философии точки зрения американский ученый Б. Миускевич пишет: «Так, если бы мы обратились к древним грекам, то пришлось бы согласиться с тем, что их литературно-художественное и философское сознание характеризовалось, казалось бы, полным отсутствием в нем мотивов одиночества. Гегель представлял эллинское сознание как счастливое сознание, омытое солнечным светом, <...> как универсальное целое – в противоположность несчастному сознанию, символизируемому сначала ветхозаветным сознанием человека, а затем – отшельническим, отчужденным сознанием средневекового человека» [3, с. 56].

---

* © М.В. Румянцев, 2006.

Было ли античное сознание озабочено проблемой одиночества?

Один из авторитетных исследователей проблемы одиночества Н.Е. Покровский считает, что уже в древнегреческой мифологии можно найти своеобразное осмысление проблемы одиночества: «Мифы о Сизифе и Прометее по-разному, но в равной степени определенно отразили экзистенциальное восприятие страха перед возможной изоляцией человека и его отчуждением от общества, что отмечал в своих эссе А.Камю» [5, с. 28].

Б. Миускевич на примере древнегреческой трагедии Софокла «Эдип-царь» доказывает, что суть ее «заключается не в конфликте между людьми, но в борьбе человека с одиночеством» [3, с. 58]. Продолжают тему изгнания, отчуждения, обездоленности, абсолютного одиночества трагедии Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона». В античной лирике яркий пример художественного воплощения темы одиночества – поэзия Сафо, Овидия.

Также, что кажется нам спорным, мотив одиночества, по мнению Н.Е. Покровского, нашел свое отражение и в социальной философии Аристотеля. «Несмотря на то, что великий философ известен как ярый апологет квазисоциальной и квазиполитической природы человека, можно предположить, что за подчас нарочитым акцентированием социального у Аристотеля скрывался нигде им прямо не высказанный антитезис – драматизм восприятия изолированности и одиночества человека» [5, с. 28].

Эта тенденция умолчания проблемы одиночества реализуется и в учении греческих и римских стоиков. Н.Е. Покровский указывает на то, что, подчеркивая «глобализм» античного человека и его принадлежность к государству и всему мировому сообществу, Зенон Китайский, Сенека, Марк Аврелий не могли не видеть «единичности» человека, выступающего в качестве субъекта всевластной судьбы. «Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение смутно; строение всего тела бrenно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновидению и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение», – писал Марк Аврелий [1, с. 520].

Значит, проблема одиночества была актуальной и для сознания античного человека, хотя и не в такой мере, как для современного человека. По мнению Б. Миускевича, «истина состоит не столько в том, что древние греки не интересовались одиночеством, но, скорее, в том, что они сосредоточили внимание на том, как его избежать...» [3, с. 57].

С возникновением христианства появляется вечная, независимая от человека, абсолютная, неизменная сущность – Бог, которая должна помочь преодолеть человеческое ощущение разобщенности, покинутости. Но общение с Богом приводит человека к пониманию своей отстраненности, отчужденности от Бога, к осмыслению собственного «Я» как совершенно одинокого и непризнанного, неприкаянного. Еще в Ветхом завете появляются фрагменты, полные отчаяния: «И обратился я и увидел еще суету под солнцем; человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем труда его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. «Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?» И это суета и недоброе дело! Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: нитка, втрое скрученная, нескоро порвется» (Екклесиаст 4:7-12). «Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою? Твердость ли камней твердость моя? И мед ли плоть моя? Есть ли во мне помощь для меня, и есть ли для меня какая опора? К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. Но братья мои неверны... Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие и знакомые мои забыли меня. Пришлые в доме моем и служанки мои чужим считают меня; посторонним стал я в глазах их...» (Иов 6:11-17; 19:13-22). «Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, и не могу выйти. Ты удалил от меня друга искреннего; знакомых моих не видно» (Псалом 87: 9, 19).

Драматизм утраты человеком связи с миром других людей пронизывает эти библейские тексты, ставшие практически первым отдаленным отголоском экзистенциалистского пессимизма.

В дальнейшем, с переноса абсолютной сущности на человеческое общество, ощущение человеком одиночества только усугубилось. В Новое время проблема одиночества заявила о себе в философских трудах С. Кьеркегора еще в середине XIX века, затем получила свое развитие у Ф. Ницше, а ее апогеем стало антисциентическое направление в философии XX века – прежде всего философия экзистенциализма.

Мартин Бубер, философ XX века, обращаясь к генезису вопроса о человеке в западной философии (именно философская антропология, одним из ярких представителей которой является М. Бубер, обозначила проблему одиночества как сущностную проблему человеческого существования), различает в истории человечества «эпохи обустроенности» (Behaustheit) и «бездомности» (Hauslosigkeit). В «эпоху обустроенности» человек чувствует себя в мире как дома, в «эпоху бездомности» – «как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [2, с. 211]. Первой философской фигурой «эпохи обустроенности» М. Бубер считает Аристотеля. В созданном греками замкнутом космосе человеку тепло и уютно, этот мир не проблематизирован.

Человек мыслится лишь в мире, мир же не мыслится в нем, он – вещь среди вещей, «вид, объективно познаваемый наравне с другими видами ... обладатель собственного угла в мироздании» [2, с. 211]. В «эпоху обустроенности» человек не чувствует себя одиноким.

Одиноким, точнее, следуя терминологии М. Бубера, «одиночкой» человек чувствует себя в «эпоху бездомности». Первой эпохой «бездомности» стала эпоха позднего эллинизма, совпавшая с распадом ценностей античного мира и зарождением христианства: «Шарообразный единый мир Аристотеля погиб, потому что расколовшаяся человеческая душа признала истинным лишь разделенный в себе мир» [2, с. 212]. Прежнюю систему сфер сменил образ противоборствующих сил – независимых и взаимовраждебных царств Света и Тьмы. В этой системе человек уже не вещь среди вещей, нет у него и прочного положения во Вселенной. «Составленный из души и тела, он принадлежит обоим царствам... Бездомный в этом мире, он остался бездомным и одиноким даже после того, как нашел спасение в христианстве» [2, с. 215]. Гармония души и тела, свойственная сознанию античного человека, погибла.

В космосе раннего средневековья человек снова, хотя и ненадолго, обретает дом. Человек в мире имеет особое и четко определенное место, его душа субстанциально и гармонично соединена с телом. Именно Фома Аквинский, по мнению М. Бубера, наиболее адекватно задал идейные контуры средневековой картины мира. Обустроенный человек не испытывает нужды проблематизировать себя, предстать перед самим собой.

Новая «эпоха бездомности» настала в Новое время. Мир, воспетый Н. Кузанским, К. Бовиллом, Д. Мирандолой как *apliissima domus* (наилучший дом – *lat.*), рухнул под ударами Коперника. «Беспредельность надвинулась со всех сторон, и человек оказался в мире, устрашающая реальность которого не позволяла видеть в нем прежний дом» [2, с. 215]. Эта незащищенность человека перед бесконечностью ужаснула Б. Паскаля, который почувствовал человеческую ограниченность и зависимость, сказав: «Меня ужасает вечное молчание этих безграничных пространств» [цит. по: 2, с. 215].

После открытия бесконечной Вселенной построение нового мирового дома становится уже невозможным. «Стоит лишь принять всерьез идею бесконечности – и человеческого жилища из такой Вселенной уже не выстроить. И нужно ведь еще ввести эту самую бесконечность в новую картину мира, что оборачивается явным парадоксом, ибо образ, если он и вправду образ, или форма, ограничен, но вопреки всему должен вобрать в себя безграничное» [2, с. 218]. С этого момента, по мнению М. Бубера, бездомность и одиночество человека становятся неизбывными.

Во второй половине XIX века, считает М. Бубер, к уже указанному фактору «бездомности», обуславливающему одиночество, добавились еще два, способствующих созреванию антропологической проблематики, обнажившей еще больше проблему одиночества.

1. Космической бездомности Нового времени стал сопутствовать прогрессирующий распад традиционных органических форм человеческого общежития (семьи, сельской и городской общин), которые защищали человека, обеспечивали комфортное существование. Распад этих форм создает ощущение бездомности и одиночества, а пришедшие им на смену новые социальные формы – клуб, профсоюз, партия – не дают человеку прежней стабильности, одиночество лишь заглушается деловыми или идеологическими «заботами». Одиночество рано или поздно прорывается вовне, и человек оказывается лицом к лицу с коренными вопросами своего бытия.
2. Второй фактор можно было бы описать понятием К. Маркса «отчуждение». Не используя его, Бубер фактически описывает феномен отчуждения в области взаимоотношений человека и техники, хозяйства, производства и политической практики. «Отличительная особенность нашего кризиса – перемена в отношении человека к вещам и связям, созданным его трудом или при его косвенном участии. Эту особенность можно было бы определить как отторжение человека от его творения. Человек ныне не может совладать с миром, который есть создание его рук. Этот мир сильнее своего творца, он обособился от него и встал к нему в отношении элементарной независимости» [2, с. 296]. Человек оказался перед лицом новой страшной реальности, когда даже творения его рук предстают перед ним независимыми и порой враждебными ему.

Философы-марксисты связывают понятие одиночества с понятием отчуждения и считают, что корни одиночества – отчужденного состояния личности – уходят вглубь веков и что элементы социального отчуждения начали складываться уже в период становления рабовладельческой формации. Как известно, реализовывать свою сущность человек может только при условиях существования, адекватных его родовой сущности, обеспечивающих полное и всестороннее раскрытие всех его сущностных сил. Но объективный ход исторического развития общества показывает, что условия существования не всегда соответствуют родовой сущности человека: на определенном этапе развития производительных сил и социальных отношений антагонистическое разделение труда и появление частной собственности порождают противоречие между сущностью и существованием и приводят к тому, что в процессе трудовой деятельности из-под контроля человека выходят продукты их материальной и духовной деятельности, которые получают относительную самостоятельность и превращаются в силу, противостоящую людям, разрушающую их социальные связи, становясь, таким образом, причиной возникновения одиночества.

Противоречивый характер социальных отношений, разлад между сущностью и существованием марксистская философия увидела в драме ломки доклассовых отношений между людьми, ломки, приведшей к тяжелым последствиям для самих людей, отразившейся в различных древних мифах и принявшей форму драматического описания восстания детей против родителей, черной неблагодарности, чрезмерной мести, коварства судьбы и т.д. «В «Электре» Софокла или «Медее» Еврипида ситуации неожиданного для человека обратного воздействия на него собственных поступков и замыслов вызывают душевное содрогание. Прорицатель Фрасий падает жертвой своего же предсказания фараону Бусирису. Тревога Орфея за судьбу Эвридики приводит к гибели последней. И чем более царь Эдип старается избежать рока, тем более он, к ужасу зрителей, идет ему навстречу» [4, с. 7-8].

Таким образом, проблема одиночества, возникая прежде в искусстве античности, четко не артикулируется как актуальная проблема человеческого существования и лишь в Новое время получает разностороннее освещение в философии. В современной философии осмысление настоящей проблемы связано с двумя противоположными типами мировоззрения – экзистенциальным и материалистическим. В первом случае одиночество связывают с противоречивой сущностью человеческого существования; во втором – одиночество является следствием отчуждения, которое носит ярко выраженный социально-классовый характер и обусловлено противоречиями социально-экономического свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии: в 2 т. Т. 1. – М., 1969. – 720 с.
2. Бубер М. Два образа веры / М.Бубер. – М., 1999. – 592 с.
3. Миюскевич Б. Одиночество: междисциплинарный подход / Б. Миюскевич // Лабиринты одиночества. – М., 1989. – С. 52-86.
4. Нарский И.С. Марксистская концепция отчуждения и экзистенциализм / И.С. Нарский // Философия марксизма и экзистенциализм.– М., 1971. – С. 7-44.
5. Покровский Н.Е. Одиночество и anomia (философские и теоретико-социологические аспекты: Автореф... д-ра социол. наук / Н.Е. Покровский. – М., 1996. – 55 с.
6. Покровский Н.Е. Человек, одиночество, гуманизм / Н.Е. Покровский // Лабиринты одиночества. – М., 1989. – С. 5-20.